

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА
ТРИ ПРАВДЫ
ОДНА ЛОЖЬ
КОТОРАЯ ИЗМЕНИТ ВСЕ

ОДНА ЛОЖЬ для КОРОЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КРИСТАЛ ЭВАНС

Кристал Эванс

Одна ложь для короля

«Автор»

2026

Эванс К.

Одна ложь для короля / К. Эванс — «Автор», 2026

В Лестане мертвым верят больше, чем живым: после смерти каждый дает четыре ответа — три правдивых и один ложный. Убитый король обвиняет собственного сына. Раден признает, что пришел к отцу с клинком, требовал корону и оставил его истекать кровью, но отрицает сам факт убийства. До казни остаются девять дней, и наследник призывает Право четырех могил, обращаясь к Найре Вель — бывшей вопрошательнице, лишенной лицензии за попытку разоблачить подмену. Каждая открытая могила приближает их к истине и друг к другу. Найре всё труднее помнить, что Раден — лишь обвиняемый, чьи тайны она обязана вскрыть. Его доверие становится слишком личным, прикосновения — слишком желанными, а зарождающееся чувство грозит погубить обоих. Он ставит на кон свою жизнь. Она рискует отдать ему сердце. Чтобы спасти будущего короля, Найре придется доказать, где именно солгал мертвец. А затем решить: готова ли она сама солгать ради мужчины, которого полюбила.

© Эванс К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кристал Эванс

Одна ложь для короля

Глава 1

Черная нить лопнула на четвертом стежке.

Я удержала иглу над губой покойника, чтобы обрывок не упал ему в рот. Черная прядь выбилась из тугой косы и прилипла к влажному виску; трогать ее перчатками в воске было бессмысленно. Мастер Гален Крой лежал на каменном столе уже третий день и, судя по выражению лица, был недоволен задержкой. Смерть стянула его щеки к зубам, соль выбелила ресницы, а между бровями осталась складка, которой не сумели расправить ни теплые полотенца, ни мои пальцы.

— Это знак, — сказала его вдова.

Она сидела у стены между двумя взрослыми сыновьями. Старший сразу поднял голову. Младший продолжал смотреть на сапоги отца, поставленные под столом носками к двери.

— Это просто плохая нить, — ответила я.

Я отрезала новый кусок. В Нижнем соляном доме хватало знаков и без тех, которые придумывали испуганные родственники. Четыре черных стежка означали только одно: мертвому еще не задали ни одного вопроса. Белая нить означала, что все ответы потрачены. Красную использовали при заразной смерти, и тогда спрашивать следовало быстро, через пропитанную уксусом ткань.

Все остальное люди приносили с собой.

— Вы уже решили, что спросите? — Я провела нить через воск и снова вдевала ее в иглу.

Старший сын, Даин, положил на колени лист. Края были измяты так, будто он всю ночь держал его в кулаке.

— Первый вопрос: «Отец, ты завещал мастерскую мне?»

— Нет.

Он моргнул.

— Я еще ничего не спросил.

— И не спросите. «Завещал» — слово для суда, а не для мертвого. Ваш отец мог считать обещание за ужином завещанием. Мог думать, что бумагу, которую не успел подписать, достаточно положить в ящик. Спросите, подписывал ли он лист с вашим именем.

— Он не умел писать.

— Тогда не тратьте зря вопрос.

Вдова перекрестила пальцы на груди. В Нижнем доме молились редко. Молитва плохо сочеталась с торгом за четыре слова, но людям хотелось верить, что оба дела кто-то слышит.

— Спросим про печать гильдии, — сказал младший. Его звали Олин, и, в отличие от брата, он не принес бумаги. — Без печати никто не получит мастерскую.

— Она пропала за неделю до смерти, — перебил Даин. — И он ее взял.

— Я нашел отца на полу, а тебя и след простыл на два часа.

— Ты серьезно? Я был на работе.

— Нет, ты просто этого ждал.

Покойник лежал между ними с закрытыми глазами. При жизни мастер Крой шил сапоги для грузчиков с Южной пристани и, по словам вдовы, ненавидел семейные ссоры. После смерти он получил самое плохое место, чтобы от них уклониться.

Я затянула четвертый стежок. Нить легла ровно, не зацепив высохшую кожу.

— Решите до прихода вопрошателя. Он не станет ждать, пока вы договоритесь.

— А вы не можете спросить? — Вдова произнесла это тихо, хотя в комнате не было никого, кому следовало бы донести.

На шее у меня висел пустой серебряный футляр. Раньше в нем лежала круглая лицензия Палаты Последнего слова. Теперь в футляре было очень удобно хранить иглы.

— Могу, — сказала я. — Но суд не станет слушать ответы.

— Мы станем.

— Пока один из ваших сыновей не останется без мастерской. Потом он пойдет в суд.

Олин отвел глаза. Даин сложил лист и убрал за пояс.

Вопрошатель явился к полудню. Молодой, чистый и пахнувший сухой мятой, которой в Палате перебивали запах чужих ртов. Его сопровождал писарь с тремя запасными перьями. Я видела обоих прежде, но они сделали вид, что не знают меня.

Семья решила задать вопросы о печати.

Я сняла черные стежки и разжала челюсть мастера Кроя. Окочение уже ушло, однако нижняя губа держалась упрямо. Пришлось размять мышцы у суставов, вложить между зубами деревянный клин и приподнять язык крючком. Серебряник лег под корень ровно, лицом умершего короля вниз. Так требовал обычай. Закон не уточнял, должен ли живой монарх терпеть подобную невежливость.

Вопрошатель положил два пальца на лоб покойника и склонился так близко, что цепь его должностного знака легла на саван.

— Гален Крой, слышишь ли ты мой...

Я перехватила его запястье прежде, чем он успел закончить. Под моими пальцами дернулась жила.

— Еще одно слово, и семья потратит первый вопрос на проверку слуха у мертвеца. Вы уверены, что именно ради этого вас вызвали?

Он выдернул руку и поправил цепь, хотя та лежала совершенно ровно.

— Я знаю порядок обряда. Мне доводилось проводить вопрошание и без подсказок бальзамировщицы.

— Тогда вы должны помнить, что покойник даст четыре ответа. Один из них окажется ложью, а пятого мы уже не услышим. Начните с того, ради чего вскрыли гробницу.

Писарь поспешно склонился над протоколом. Кончик пера застыл над строкой, а щека подозрительно дрогнула. Вопрошатель заметил это и налился краской до самых ушей.

— Записывайте внимательнее, — велел он, разворачиваясь к столу. — Гален Крой, перед смертью ты спрятал печать сапожной гильдии?

Несколько мгновений ничего не происходило. Затем в груди покойника сухо щелкнуло, будто внутри сломалась тонкая веточка. Впалый живот приподнялся, горло втянулось, пытаясь протолкнуть воздух мимо серебряной монеты. Зубы тихо звякнули о металл.

— Да.

Голос вышел вместе с запахом уксуса, воска и чего-то сладковатого, что не сумели перебить даже три дня в соли.

Вдова обеими руками вцепилась в рукав Олина и притянула сына ближе.

— Ты слышал? Он все-таки спрятал ее. Значит, до него уже кто-то добрался.

— Матушка, я стою рядом. Можете не отрывать мне рукав, — отозвался Олин, однако высвободиться не попытался. Он смотрел на отца и шевелил губами, беззвучно повторяя полученный ответ. — Мы пока знаем только то, что он сказал «да». Одна из четырех правдой не будет.

Даин подался вперед, упершись ладонями в край стола. Каменная плита была слишком широкой, и брату пришлось почти нависнуть над телом, чтобы вопрошатель его слышал.

— Спросите про дом. Если печать осталась там, мы хотя бы пойдем, где искать, пока слуги не растащили половину вещей.

Вдова резко повернулась к нему.

— В моем доме никто ничего не растаскивает.

— Тогда вам нечего бояться этого вопроса.

Вопрошатель постучал пальцем по должностному знаку, призывая обоих замолчать, и дождался, пока писарь приготовит перо.

— Гален Крой, печать сапожной гильдии сейчас находится в твоём доме?

На этот раз воздух прошёл через мертвое горло легче. Монета едва слышно скользнула по языку.

— Нет.

Писарь вывел вторую черту в протоколе. Вдова ослабила пальцы, но на смятой ткани рукава Олина остались темные следы от ее перстней.

Даин оттолкнулся от стола.

— Тогда спросите про него, — парень ткнул пальцем в сторону брата, — Олин вертелся возле отцовских бумаг с самого утра и теперь слишком старательно напоминает нам о лжи.

— Я разбирал счета, потому что кто-то должен заплатить мастеровым в конце недели, — сказал Олин. Его голос оставался спокойным, хотя сам он уже не смотрел на брата. — Можешь обвинить меня сам. Незачем тратить на это отцовский ответ.

— Сам ты уже ответил. Я хочу услышать его.

Вопрошатель перевел взгляд на вдову. Та медленно убрала руку с плеча младшего сына.

— Спрашивайте. Иначе Даин будет повторять это до самых похорон.

— Гален Крой, Олин забрал у тебя печать гильдии?

Губы покойника разошлись не сразу. Черная нить в уголке рта натянулась, и мне пришлось придержать узел концом иглы, чтобы стежок не лопнул.

— Нет.

Олин закрыл ладонью рот. Между его пальцами вырвался долгий выдох, похожий на сдержанное ругательство. Даин отступил от стола, однако разочарование спрятать не успел.

— Остался один вопрос, — напомнил писарь. Он произнес это тихо, обращаясь скорее к своему протоколу, но все в комнате повернулось к нему.

Даин вытащил из-за пазухи смятый лист и расправил его на краю стола. Бумага была покрыта расчетами, а внизу виднелись две строки, написанные рукой мастера Кроя.

— Спросите, хотел ли отец передать мастерскую Олину.

— Мы ищем печать, — напомнила я. — Без нее гильдия не сможет утвердить нового мастера, собрать взносы и принять зимний заказ. Ваш спор о наследстве прекрасно переживет еще один день.

Даин прижал лист к камню, чтобы тот снова не свернулся.

— Если отец выбрал Олина, он мог спрятать печать вместе с распоряжением о передаче мастерской. Этот вопрос сузит поиски.

Звучало разумно ровно до тех пор, пока не замечаешь, как крепко он держит бумагу. Его интересовало завещание. Печать всего лишь позволила привести в комнату человека, способного заставить мертвеца ответить.

Вопрошатель снова посмотрел на вдову. Теперь она молчала дольше. Ее пальцы проšli по краю савана, разглаживая складку возле локтя мужа.

— Задавайте, — наконец разрешила она. — Раз уж мои сыновья решили поделить мастерскую прежде, чем мы успели закрыть гроб, пусть их отец хотя бы услышит, во что они превратили его похороны.

Даин отвел глаза. Олин остался у стола.

— Гален Крой, ты хотел, чтобы после твоей смерти мастерскую получил Олин?

Из груди покойника ничего не вышло. Воздух потянуло обратно.

Тело приподнялось над камнем на ширину ладони. Плечи напряглись, голова запрокинулась, а серебро с резким звоном ударилось о зуб. Черная нить в углу рта лопнула. Я успела поймать ее прежде, чем монета сдвинулась под язык.

— Да.

Голос прозвучал глуше прежнего, будто ответ шел из глубины каменного стола.

Монета почернела от края к центру. Вопроситель разжал губы покойника щипцами, вытащил серебро и бросил в чашку с уксусом. Жидкость зашипела, но чернота осталась. Четыре ответа были получены. Больше Гален Крой не произнесет ни слова.

Даин первым нарушил тишину. Он схватил смятый лист и выпрямился с таким видом, будто только что поймал отца на подлоге.

— Значит, он солгал сейчас. Мастерская должна перейти мне. Отец говорил об этом столько лет, что ошибиться невозможно.

Олин медленно убрал ладонь от лица.

— Невозможно для кого? Для тебя? Мы слышали четыре ответа, Даин. Ложью мог оказаться любой из них.

— Отец готовил меня к управлению мастерской с шестнадцати лет. Он доверял мне закупки, переговоры с гильдией и учеников. А тебя до прошлой зимы даже к книгам не подпускал.

— Зато в последние месяцы подпускал. Возможно, тебе стоило спросить себя почему.

— Довольно, — вмешалась вдова. Она провела ладонью по волосам покойного, поправляя прядь у виска. — Если вам так хочется перегрызть друг другу горло, выйдите хотя бы в коридор.

Даин будто не услышал ее.

— Последний ответ был ложью, — повторил он, обращаясь уже к вопрошателю. — Запишите это в протокол.

Писарь посмотрел на меня, не опуская пера.

— Он не может этого записать, — сказала я. — Обряд не отмечает ложный ответ. Ваш отец мог не прятать печать вовсе. Она могла остаться в доме. Ее мог забрать Олин. Мастерская могла предназначаться ему. Пока мы не найдем подтверждение одному из ответов, остальные стоят ровно столько же, сколько почерневшая монета в этой чашке.

Даин скомкал лист в кулаке.

— И где вы предлагаете искать подтверждение? У нас остался мертвец, четыре ответа и дом, который уже перевернули от подвала до чердака.

Я посмотрела под приставной столик, куда перед омовением убрали одежду мастера. Сапоги стояли рядом. Левый опирался на пол всей подошвой, а правый, хотя его поставили вплотную к стене, заваливался внутрь. Каблук с одной стороны выглядел тяжелее и был прошит свежей дратвой.

Гален Крой всю жизнь определял чужую походку по истертой набойке. Такой каблук на собственной обуви он бы не оставил.

— Для начала разрежьте правый каблук. Только аккуратно. Гильдейская печать обойдется дороже ваших похорон.

Олин опустился на колено возле снятых сапог и взял правый за голенище. Прежде чем пустить в ход нож, он провел большим пальцем по свежей дратве, проверяя стежки так, как наверняка сотни раз видел у отца.

— Эту набойку меняли недавно. Кожа еще не успела потемнеть, хотя остальная подошва стерта почти до шва.

Даин ничего не ответил, но смятый лист в его руке снова хрустнул. Он следил за братом с таким напряжением, будто печать могла исчезнуть, стоило Олину коснуться каблука.

Лезвие вошло под край кожи. Олин подрезал первый стежок, затем второй и, придерживая набойку пальцами, потянул ее на себя. Два коротких гвоздя звякнули о каменный пол, следом из полости каблука выпал круглый кусок меди. Печать прокатилась до ножки стола и легла гербом вверх.

Вдова отпустила плечо младшего сына. Пальцы у нее остались согнутыми, будто ткань его камзола все еще была зажата между ними.

Олин поднял печать и стер с нее прилипшую кожаную крошку.

— Это она. На ободке осталась трещина от резца, отец никак не хотел заказывать новую.

— Положите печать на стол, — потребовал вопрошатель, протягивая ладонь. — Пока писарь не внес находку в протокол, никто больше к ней не прикасается.

Олин взглянул на медный круг, затем на неподвижное лицо Галена и подчинился. Радости на его лице не было. Печать давала ему мастерскую, однако вместе с ней отец оставлял двух сыновей выяснять, кого из них любил достаточно, чтобы солгать после смерти.

Вопрошатель повернулся к писарю и указал на строки в протоколе.

— Первый ответ подтвержден: мастер Крой действительно спрятал печать. Третий тоже оказался правдой, поскольку Олин не забирал ее у отца и до этой минуты даже не знал, где она находится.

Писарь перечитал записи и коснулся пером второго ответа.

— Тогда ложью было утверждение, что печати нет в доме?

— Для мертвого все заканчивается последним мгновением жизни, — напомнила я, складывая ножницы и иглы обратно на полотняную салфетку. — Он не знал, что его привезут сюда в тех же сапогах. Когда Гален Крой умер, печать все еще находилась под его крышей, поэтому второй ответ был ложью.

Чернила на кончике пера собрались тяжелой каплей. Писарь стряхнул ее в край чернильницы и поставил отметку возле нужной строки. Оставался четвертый ответ, который теперь уже не требовал толкования: Гален действительно намеревался передать мастерскую Олину.

Даин посмотрел на лист в своей руке. Несколько мгновений он разглаживал его большим пальцем, проходясь по отцовским строкам, затем разорвал бумагу вдоль старого сгиба. Половины вышли неровными, и он дернул еще раз, превратив написанное в четыре клочка.

— Даин, я не просил его выбирать меня, — произнес Олин, но к брату не приблизился. Он стоял возле стола, опустив руки, и смотрел туда, где на камне лежала печать. — До прошлой недели я вообще не знал, что отец собирается менять распоряжение.

— Зато теперь знаешь, — ответил Даин, собирая обрывки в кулак. Голос у него держался ровно, хотя бумага продолжала сминаться между пальцами. — Можешь оставить себе объяснения вместе с мастерской. Возможно, они окажутся полезнее, чем мне.

Вдова шагнула между сыновьями, однако удерживать никого не пришлось. Даин первым направился к двери, и Олин пропустил его, даже когда тот задел плечом дверной косяк и сорвал висевший на нем холщовый фартук. Их мать задержалась возле покойного, поправила край савана и только потом последовала за старшим сыном. Олин забрал печать у писаря последним, завернул ее в выданный лоскут и вышел, не обернувшись на отца.

Я сменила лопнувшую черную нить на белую и заново стянула губы покойника. После вопрошания полагалось делать семь стежков, хотя четыре ответа уже истратили весь оставшийся в теле воздух и Гален Крой больше не смог бы произнести ни слова, даже если бы мы положили под язык еще одну монету. Теперь он лишился возможности исправить содеянное, объяснить свой выбор, попросить прощения у старшего сына или признаться, что спрятал печать именно ради этой ссоры.

Мертвые отвечали точно, однако люди слишком часто принимали точность за милосердие.

Когда семья, вопрошатель и писарь ушли, Мейда принесла чашку остывшего лавандового отвара и поставила возле моего локтя, оставив достаточно места между питьем и окровавленными щипцами.

— Ты опять вмешалась в чужие дела, — сказала она, наблюдая, как я затягиваю последний узел. — Когда-нибудь родня покойника решит, что удобнее обвинить тебя, чем признать собственную глупость.

— Я всего лишь посмотрела на его сапоги. Для вмешательства этого маловато, даже по твоим меркам.

— По моим меркам все начинается именно со взгляда. Сначала ты замечаешь кривой каблук, потом ловишь вопрошателя за руку, а к вечеру половина семьи считает тебя виноватой в том, что покойник предпочел одного сына другому.

Мейда была старше меня на двадцать лет и почти вдвое шире в плечах. Еще прошлой зимой она одна переносила тела с носилок на каменные столы, но в последние месяцы всякий раз прижимала ладонь к пояснице и напоминала, что возраст наконец настиг даже ее. Я делала вид, будто верю в больную спину, она позволяла мне забирать тяжелую работу, и благодаря этому нам обоим не приходилось произносить вслух слова о возрасте и жалости.

Я отложила иглу и потянулась к чашке.

— Если бы я не стояла рядом, ваш лицензированный вопрошатель потратил бы один из четырех вопросов, выясняя, слышит ли его мертвец. Потом забыл бы проверить монету, а братья до зимы спорили бы, какой именно ответ оказался ложью.

Мейда перехватила чашку раньше, чем мои пальцы коснулись ободка, и посмотрела на поверхность отвара, где плавал одинокий лавандовый лепесток.

— Он все-таки лицензированный вопрошатель. Бумага с печатью подтверждает, что кто-то счел его способным запомнить порядок обряда.

— В таком случае серебряная монета наверняка сама нашла бы дорогу под язык, а протокол заполнился бы от одного уважения к его должностному знаку.

Угол ее рта дрогнул. Мейда забрала отвар, решив, видимо, что я все равно успела бы выпить его только после полного остывания.

— У ворот ждет женщина. Она привезла сестру и отказывается оставить тело привратникам, пока кто-нибудь из нас не выйдет к повозке.

Я вытерла пальцы о влажное полотно и посмотрела на доску занятых камер. Три верхние строки уже были перечеркнуты, свободной оставалась лишь последняя.

— Мы можем положить ее только в четвертую соляную. Рассол там вчера меняли, но отдельного стола я ей не обещаю: к утру привезут еще двоих с пристани.

Мейда провела большим пальцем по краю чашки, стирая каплю отвара, и лишь затем подняла на меня глаза.

— Она заплатила за первую.

Первая камера означала свежий рассол, отдельный каменный стол и право приходить к умершему ночью, когда Нижний дом запирали двери для остальных родственников. Люди, способные позволить себе такие условия, обычно хоронили близких в сухих склепах на холме и вызывали вопрошателя прежде, чем тело успевало остыть.

В Нижний дом они приезжали лишь тогда, когда хотели скрыть от города и саму смерть, и вопросы, которые собирались задать покойнику.

— Что с сестрой? — спросила я, убирая почерневшую монету Галена Кроя в учетный ящик.

Мейда задержалась у двери и большим пальцем стерла с чашки след лавандового отвара.

— Женщина утверждает, что сестра утонула у Красных складов. Остальные подробности предлагает заменить серебром. Судя по тому, сколько она заплатила, подробностей там много.

Утопленницу внесли двое пристанских носильщиков. Они поставили носилки возле стока, и с края полотна потянулась тонкая струйка. Речная вода оставляла после себя ил, рыбью чешую и запах гнилых свай. От этой женщины пахло ромашковым мылом. Даже лужа под носилками была чистой.

Платье на ней оказалось дешевым, грубо подогнанным в плечах. Кто-то ушил его наспех, не обрезав изнутри лишнюю ткань. Русые волосы обкорнали ножом у самого затылка, причем уже после того, как их вымыли и расчесали. На губах лежали четыре черных стежка.

Женщина, назвавшаяся сестрой, не сняла вуаль, хотя в препараторской от жаровен было душно. Ее темные перчатки оставались сухими. Значит, от кареты до ворот над ней держали зонт, пока мертвая Иса мокла на открытых носилках.

— Назовите ее полное имя и расскажите, что произошло, — попросила я, разворачивая чистую страницу книги приема. — Начиная с того момента, когда ее видели живой.

Вуаль чуть приподнялась на вдохе.

— Иса Лорт, двадцать семь лет. Работала при Красных складах. Утром вышла на настил, поскользнулась на мокрой доске и упала в воду.

Она произнесла все разом, с одинаковыми паузами между фразами. Так отвечали люди, которым заранее объяснили, какие слова следует запомнить и где лучше остановиться.

— Кто видел падение?

— Грузчики. Там всегда много рабочих.

Я посмотрела на носильщиков. Старший сразу занялся ремнем на рукаве, младший устоял в сток.

— Эти двое?

— Они только доставили тело. Какая разница, кто именно ее вытащил?

— Для хранения никакой. Для записи большая. Человек, пролежавший в реке почти час, выглядит иначе, чем человек, которого вынули через несколько часов.

Женщина повернулась к Мейде, ожидая помощи. Та оперлась бедром о стол и невозможно продолжила вытирать уже сухую чашку.

— Найра ведет книгу приема, — пояснила она. — Если оставить ей пустую строку, она начнет задавать вопросы из чистого раздражения.

— Тело нашли до полудня, — ответила женщина после короткой паузы. — Сколько времени оно провело в воде, мне неизвестно.

Я занесла это в книгу. Неизвестно было первым правдивым словом, которое я от нее услышала.

— Кто зашил ей рот?

Перчатки женщины сжались на застежке плаща.

— Наш домашний лекарь подготовил ее к похоронам.

— Как его зовут?

— Его имя не имеет отношения к вашему делу.

— У грузчицы с Красных складов был домашний лекарь, чье имя необходимо скрывать? Под вуалью обозначилось движение губ.

— Она оставалась членом нашей семьи, кем бы ни работала. Мы не просим расследовать ее смерть. Нам нужно сохранить тело до похорон.

— Тогда вашему лекарю следовало оставить рот открытым. Черная нить предназначена для вопрошания, а после окончания обряда ее заменяют белой. Четыре стежка означают четыре неиспользованных ответа.

Один из носильщиков переступил с ноги на ногу. Под его сапогом хлопнула вода.

— Наш лекарь привык соблюдать обряд, — сказала женщина. — Возможно, он решил перестраховаться.

— От чего?

Она промолчала.

Я отогнула мокрый ворот платья. На шее не было следов веревки, пальцев или удара. Кожа за ушами оставалась чистой, хотя речной ил забивался туда раньше, чем его успевали смыть с лица. Под ногтями не обнаружилось ни песка, ни древесной трухи с настила. Только размокшее мыло.

Правый указательный палец когда-то ломали и плохо вправили. Сустав сросся углом, а на коже сохранилась белая дуга от долгого давления шины. У пояса темнел прямоугольный след. Металлическую пластину носили там годами: края отпечатались глубоко, середина оставалась гладкой.

Грузчики обычно носили крюки, ножи и перчатки. Предмет такой формы больше походил на связку ключей в жестком футляре.

— Когда состоятся похороны? — натянуто спросила я, возвращая ворот на место.

— Завтра после полудня. Мы заберем ее сами.

— Гроб будет открытым?

Женщина замешкалась.

— Это семейная церемония.

— Я спрашиваю потому, что вашему лекарю понадобилось зашивать рот с внутренней стороны. Так делают, когда лицо собираются показывать.

Она провела пальцами по краю вуали, проверяя, хорошо ли та скрывает выражение лица.

— Гроб останется закрытым.

— Назовите священника, который примет тело.

Вместо ответа на стол лег второй кошелек. Тяжелее первого.

— Этого достаточно, чтобы избавить вас от хлопот с именами, — произнесла женщина.

— Сохраните тело до завтрашнего дня. Никого к нему не допускайте и сами ничего больше не проверяйте.

Мейда негромко постучала чашкой по столу.

— Найра, госпожа уже заплатила за первую соляную.

— Именно поэтому я должна знать, кого впускать ночью. Первая камера дает семье право посещения после закрытия.

— Мы никого не пришлем, — быстро ответила женщина. — Тело должно оставаться в одиночестве.

Я развязала второй кошелек и высыпала несколько монет на ладонь. Серебро было новым, с острыми краями. На каждой монете стояла дворцовая чеканка, а по ободку проходила тонкая насечка в форме короны. Такие деньги добивались до Нижней пристани по одной или по две, обычно через карманы гвардейцев и поставщиков. Целый кошелек могли вынести только из казначейства.

Я ссыпала монеты обратно и затянула шнурок.

— Первую камеру затопило утром. Придется положить ее в четвертую. Там свежая соль, отдельный стол и замок, ключ от которого останется у Мейды.

— Вы гарантируете сохранность?

— Я гарантирую, что до завтрашнего полудня никто не воспользуется ее ответами.

Женщина застыла. Всего на мгновение, однако мне хватило.

— Нас устраивает четвертая камера, — пробормотала она и направилась к выходу.

Один из носильщиков окликнул ее, напомним о расписке. Женщина даже не обернулась. Старший выругался себе под нос, подхватил пустые носилки за ручки и пошел следом.

Мейда дождалась, пока наружные ворота закроются, затем поставила чашку на стол и посмотрела на меня.

— В первой камере сухо. Я была там несколько минут назад и своими глазами видела пол.

— Так и останется. Женщина заплатила за право прийти ночью, а потом слишком поспешно от него отказалась.

— Ты взяла деньги за первую и отдала ей четвертую.

— Второй кошелек был платой за отсутствие имени священника. Я честно выслушала отсутствие.

Мейда потерла ладонью лоб.

— Когда-нибудь твоя любовь к точным формулировкам приведет к нашим воротам людей с факелами.

— Тогда первая камера действительно окажется затоплена. Я смогу исправить запись.

Она посмотрела на меня поверх руки, но спорить не стала.

Я нагрела кончик маленьких ножниц и распорол два стежка. Черная нить вышла с внутренней стороны губы. Узел лежал глубоко и не портил лицо — так учили младших служителей Палаты, которым еще не доверяли составлять вопросы, зато уже позволяли готовить рты для старших.

К нити прилип крошечный комочек золотистого воска. Я растерла его между пальцами. В препараторской запахло медом, смолой и кедровой пылью.

Тем же составом запечатывали двери дворцовых кладовых.

Мейда наклонилась к моей ладони и поднесла золотистый комочек ближе к лампе. Воск блеснул между ее пальцами, сохранив и цвет, и слабый запах кедровой смолы.

— После речной воды обычный воск стал бы мутным и начал крошиться, а этот почти не пострадал. Его даже не успело размыть по краям.

Я расправила снятую нить на белом полотне, стараясь не стряхнуть приставшие к ней крупички.

— Значит, рот ей зашили, когда тело уже вымыли. Возможно, даже здесь, во дворце.

Мейда перевела взгляд на чистую кожу за ушами покойницы, затем на ее ногти, под которыми не осталось ни ила, ни древесной трухи с настила.

— Тогда смерть наступила раньше, чем она оказалась в реке.

— Пока мы знаем лишь, что река не оставила на ней обычных следов, — поправила я и отодвинула нить от края стола. — Чтобы установить причину смерти, придется искать глубже, хотя нам заплатили именно за то, чтобы мы закрыли камеру и никуда не лезли.

— Тебе всегда платят за одно, а занимаешься ты другим, — заметила Мейда, закатывая рукава. Она встала у изголовья, придержала голову покойницы и надавила пальцами у основания челюсти, пока я осторожно разжимала зубы.

Из приоткрытого рта потянуло ромашкой и слабой металлической горечью. Я провела щипцами под языком, затем проверила десны, однако не нашла ни серебряника, ни темного следа, который оставался на слизистой после вопрошания.

Язык оказался целым, а значит, все четыре ответа по-прежнему принадлежали мертвой.

— Волосы вымыли после смерти, платье принесли чужое, рот зашил человек из Палаты, а заплатили нам из дворцового кошелька, — перечислила я, осматривая слизистую. — Тот, кто отправил ее сюда, заботился о ее голосе больше, чем о лице.

Мейда взяла золотистый воск с полотна и поднесла ближе к огню.

— И хотел убрать тело из дворца.

— Похоже на то.

— Под каким именем ее записывать?

Я посмотрела на сросшийся под углом палец.

— Под тем, которое нам дали. Иса Лорт, двадцать семь лет. Рядом поставим черную черту.

— Одну, — предупредила Мейда. — В книге хранятся сомнительные сведения, а обвинения остаются за ее пределами.

Мы перенесли тело в четвертую камеру. Мейда вписала имя своим широким почерком, я поставила возле него маленькую черную черту и заперла дверь. Ключ лег в карман фартука рядом со вторым кошельком. Серебро оттягивало ткань сильнее, чем должно было.

К вечеру ворота снова загрохотали.

На этот раз никто не торговался и не ждал приглашения.

Шесть королевских гвардейцев вошли в препараторскую, не сняв промокших плащей. По каменному полу потекла чистая дождевая вода. Командир снял перчатку, достал свиток с печатью Палаты Последнего слова и развернул его передо мной.

— Найра Вель?

Пустой серебряный футляр на моей шее лег тяжелее. Когда-то в нем хранилась лицензия Палаты. Теперь я держала там запасные иглы и неприятные воспоминания.

— Зависит от того, зачем вы меня ищете. Если кому-то понадобилось взыскать старый штраф, то я умерла прошлой зимой.

Командир не оценил попытку облегчить ему службу.

— Во дворце находится тело, которое велено передать вам для подготовки.

— Чье?

Он перевел взгляд с меня на Мейду, будто имя покойника требовало иной комнаты, где стены были чище, а свидетели — знатнее.

— Короля Хальдена Керна.

Пальцы Мейды разжались. Щипцы ударились о край стола, отскочили и со звоном упали на каменный пол. Стоявший ближе всех гвардеец дернул плечом и покосился на инструмент так, словно тот мог причинить королю еще какой-то вред.

Я прижала ладонью край полотна, не давая ему съехать вслед за щипцами.

— Когда его объявили мертвым и кто подтвердил смерть?

— Смерть объявлена до первого утреннего колокола. Тело нашли в рабочем кабинете, а заключение дал дворцовый лекарь. — Командир подвинул приказ ближе, позволяя мне рассмотреть отпечаток Палаты. — Имена обнаруживших тело и прочие сведения получите у Верховного вопрошателя. Карета уже ждет у ворот.

Я коснулась печати кончиком пальца. Воск успел затвердеть сверху, но по краям еще хранил тепло. Значит, приказ составили совсем недавно, хотя Хальден Керн был мертв с рассвета.

— Ильвар Рен помнит, что у меня нет лицензии? Палата запретила мне прикасаться к государственным покойникам даже в присутствии действующего вопрошателя.

Командир забрал свиток и начал сворачивать его с такой тщательностью, будто от совпадения краев зависела законность всего происходящего.

— Верховный вопрошатель назвал вас по имени и велел доставить во дворец со всеми инструментами. Еще он отдельно предупредил, что вы станете спорить.

— Предусмотрительный человек. Тогда он наверняка подготовил ответ на случай, если я откажусь.

Я скрестила руки на груди.

Командир убрал приказ во внутренний карман и застегнул его на пуговицу, прежде чем снова посмотрел на меня.

— Мне велено сказать, что сегодня ему нужны ваши руки. О вашем праве задавать вопросы в приказе ничего не написано.

Ильвар Рен помнил мое имя и даже порядок, в котором я стану защищаться. Это было хуже, чем если бы он простил.

Дворец стоял над городом, вырубленный из той же серой скалы, под которой хранили мертвых. До верхних ворот мы добрались в закрытой карете. Дождь стучал по крыше, колеса скользили на крутой дороге, а сидевший напротив гвардеец всю дорогу держал ладонь на рукояти меча, словно ожидал, что я выпрыгну на ходу вместе с футляром игл.

Никто не сказал, от чего умер Хальден. Во дворце меня обыскали у первых ворот, повторили все перед внутренним двором, а у королевских покоев проверили в третий раз. Иглы каждый раз забирали, пересчитывали, сверяли с описью и возвращали в том же количестве. Лишь после этого меня провели в комнату, где короли обычно умирали за плотными занавесами, чтобы слуги могли честно утверждать, что ничего не видели.

Сегодня занавеси сняли.

Хальден Керн лежал на широком столе в одной рубахе. Кровь пропитала ткань слева под грудью и засохла бурой коркой. Рану успели промыть и раздвинуть края пальцами, однако закрывать ее швами не стали. Кто-то уже вложил серебро под язык короля и стянул его губы четырьмя черными стежками.

Ильвар стоял у окна.

За два года он почти не изменился: спину по-прежнему держал прямо, седые волосы стриг коротко, а на пальцах не носил колец. В таких руках любой предмет выглядел доказательством — игла, протокол или чужая ошибка. Ильвар учил меня держать нить, составлять вопросы и не принимать благодарность, пока ложь не найдена. Потом изменил одно слово в моем протоколе и молча смотрел, как я лишаюсь всего, кроме способности это доказать.

— Вы опоздали, Вель, — произнес он, когда дверь закрылась за гвардейцами.

Я растегнула мокрый плащ и передала его ожидавшему у стены служителю. Вода стекла с края ткани на пол, оставив у моих сапог темное пятно.

— Король умер до рассвета, а ваш человек приехал за мной после вечернего колокола. Если кто-то из нас позволил себе задержку, искать его следует ближе к дворцу.

Служитель унес плащ, стараясь не смотреть на тело. Ильвар дождался, пока он выйдет, и только тогда отвернулся от окна.

— Два года в Нижнем доме не сделали вас сговорчивее.

— Вы обучали меня дольше. Было бы странно было ждать другого результата.

Его взгляд остановился на пустом футляре у моего горла. Когда-то Ильвар собственноручно вложил туда лицензию Палаты, а два года назад так же спокойно распорядился ее забрать. Он ничего не сказал и подошел к столу, где откинул край окровавленной рубахи, открывая рану.

— Сохраните голосовые связки. Завтра в полдень король ответит Совету, и я не намерен объяснять девяти советникам, почему они слышали только воздух.

Я поставила футляр с инструментами у изголовья и откинула крышку. Иглы лежали в прежнем порядке, хотя после трех досмотров ни одна уже не казалась по-настоящему чистой.

— В Палате восемнадцать лицензированных вопрошателей. По крайней мере, столько было, когда меня выставили за ворота. Почему тело отдали мне?

Ильвар придвинул лампу ближе к ране. Свет прошел по влажным краям разреза и задержался на темной полосе под ребрами.

— Клинок прошел слишком близко к диафрагме, а дворцовый лекарь уже успел вмешаться в работу горла. Из всех вопрошателей только вы умеете сохранять голос после подобных ошибок.

Я выбрала из футляра тонкий зонд, проверила острие и положила его на белое полотно. Движения были привычными до автоматизма, но в них уже не оставалось прежней уверенности — слишком много раз меня учили, что даже навык может быть признан недействительным.

Слова о том, что мое умение снова существует, прозвучали почти насмешкой. Как будто речь шла не о праве, а о временно возвращенном инструменте, который снова могут отнять в любой момент.

Ильвар не стал отвечать прямо. Он лишь сообщил, что не возвращал мне права спрашивать — ему требовалось лишь подготовленное тело, и ничего больше. В этом было все преж-

нее устройство нашего взаимодействия: мои руки оставались полезными, пока я не пыталась напомнить, что они когда-то принадлежали мне.

Удобное разделение. Его устраивали мои руки, пока к ним не прилагалось мое мнение.

Ильвар разгладил отогнутый край рубахи, хотя ткань уже лежала ровно. Лишь после этого он поднял на меня глаза.

— Приступайте, Вель.

Я подняла рубаху выше. Клинок вошел снизу, прошел между костями и вышел, не задев их. Края раны были ровными, без повторного надреза. Для такого удара требовалось подойти вплотную и не дрогнуть после первого сопротивления ткани.

Крови на рубахе оказалось много. Ее распределение говорило, что некоторое время Хальден лежал на левом боку, потом тело выпрямили и перенесли. На столе под ним оставалось слишком мало следов.

— Где именно его нашли?

— В рабочем кабинете, возле письменного стола.

Я провела пальцами по коже вокруг раны. Она была холодной, однако не настолько жесткой, как должна была стать к вечеру.

— В каком положении лежало тело?

Ильвар взял с подоконника перчатки и медленно натянул одну на правую руку.

— Это не относится к подготовке.

— От положения тела зависит, куда стекала кровь и сколько ее осталось в горле. Если Совет рассчитывает получить четыре различных ответа, мне нужно знать обо всем, что успели сделать до моего приезда.

Ильвар расправил пальцы в первой перчатке, проверяя, плотно ли кожа облегает ладонь, а затем так же неторопливо натянул вторую.

— Короля нашли на левом боку. Два гвардейца перевернули его на спину, когда искали рану.

Я посмотрела на засохшую кровь. На боку рубахи она впиталась широкой полосой, а возле самого разреза осталась густой и почти черной.

— Они перевернули его до того, как пришел лекарь?

— Они увидели кровь и пытались понять, откуда она идет. — Ильвар одернул край перчатки, закрывая запястье. — Лекарь осматривал тело уже на спине.

— После осмотра короля перенесли сюда или успели сделать с ним что-то еще?

Его взгляд переместился к раскрытому футляру с моими инструментами.

— Вам перечислить каждого, кто входил в кабинет?

— Только тех, кто трогал тело. Хотя при нынешнем состоянии раны разница, вероятно, невелика.

Кожа на скулах Ильвара натянулась, однако голос остался ровным.

— Сначала тело осмотрел дворцовый лекарь. После этого его перенесли в эту комнату и подготовили к вашему приезду.

Я провела пальцем вдоль края разреза, отмечая места, где кожу раздвигали во время первого осмотра.

— Хальвен Рот?

Большой палец Ильвара замер на шве перчатки.

— Новый дворцовый лекарь.

Я убрала руку от тела и выпрямилась.

Хальвен Рот умер три дня назад. В Нижнем доме об этом говорили все, кто умел отличать шелковый шнур от веревки мясника. Лекарь его возраста не стал бы вешаться так высоко, чтобы сломать подъязычную кость, особенно если всю жизнь лечил повреждения шеи.

— Как зовут нового лекаря и когда его назначили?

Ильвар придвинул лампу ближе к изголовью. Свет лег на четыре черных стежка, которыми был закрыт рот короля.

— Его имя вы получите вместе с официальной записью.

— Человек успел осмотреть рану и горло прежде, чем мне передали тело. Его имя уже относится к моей работе.

— Ваша работа состоит в том, чтобы сохранить голосовой проход.

Я выбрала самые тонкие ножницы и подвела нижнее лезвие под первый стежок.

— Тогда было бы полезно узнать имя того, кто успел его повредить. Или официальная запись появится только после того, как он испортит еще что-нибудь?

Ильвар промолчал. По тому, как тщательно он разгладил пальцы второй перчатки, я поняла, что имени не получу.

Первый стежок поддался не сразу. Игла, которой зашивали рот, вошла слишком глубоко и задела внутреннюю сторону губы. Когда я развела края разреза, на слизистой проступил тонкий серебристый налет.

— Поднесите лампу ближе, — попросила я.

Ильвар выполнил просьбу без замечаний. Я осторожно разжала челюсть, приподняла язык щипцами и увидела монету.

По правилам Палаты серебро начинало чернеть лишь после четвертого ответа. Король еще не произнес ни одного, однако по краю серебряника уже тянулся серый неровный ободок, словно металл некоторое время держали над слабым дымом.

— Кто вложил монету?

— Я. — Ильвар подошел к столу, и его тень легла поперек белого полотна. — Поэтому можете сразу исключить ошибку служителей.

Я удержала язык щипцами и повернула монету так, чтобы свет прошелся по потемневшему краю.

— Через сколько времени после смерти вы ее вложили?

— Я прибыл спустя сорок минут после того, как лекарь объявил короля мертвым. Серебро положил под язык сразу после завершения осмотра.

— Значит, новый лекарь уже закончил работу с телом, когда вы открыли футляр?

Ильвар коротко кивнул, продолжая следить за моими руками.

— Вы взяли монету из запечатанного набора Палаты?

— Из моего футляра.

Я подняла на него глаза. Личный футляр Верховного вопрошателя проверял только сам Верховный вопрошатель. Теперь чистоту монеты, как и имя нового лекаря, подтверждало одно слово Ильвара.

Я осторожно коснулась края щипцами.

— Перед этим она была чистой?

Ильвар перевел взгляд на мои пальцы.

— Вы решили провести вопрошание надо мной?

— Пока я пытаюсь понять, почему серебро темнеет до первого ответа. Если вам неудобны обычные вопросы, королевские завтра понравятся еще меньше.

— Монета была чистой, Вель. Я проверил ее перед тем, как вложить.

— Кто еще касался рта?

— Лекарь. Он проверял дыхание, осматривал язык и влил немного вина.

Я повернулась к нему.

— В мертвого человека?

— По его словам, король мог находиться без сознания.

— Достаточно глубоко без сознания, чтобы лекарь объявил смерть, а через четверть часа попытался напоить его вином?

— Вот поэтому вас сюда и вызвали.

Дверь открылась без стука.

Гвардейцы вошли первыми. Между ними шел мужчина в черном мундире без пояса и оружия. На правом рукаве засохла кровь. Его руки были связаны спереди серебряной цепью, которую надевали на наследников: железо сочли бы оскорблением королевской крови, веревку — оскорблением здравого смысла.

Раден Керн остановился у стола.

Я видела его на городской площади, верхом, среди знамен. С того расстояния запомнились темные волосы и привычка не кланяться толпе. Вблизи дождь отбросил темно-каштановые пряди со лба, открыв лицо, которому последние часы прибавили несколько лет. Под лампами в радужке проступил густой фиолетовый цвет.

Мундир плотно сидел на широких плечах и сильных руках, а серебряная цепь казалась на нем временной помехой. Рассеченная нижняя губа снова открылась от удара. На скуле наливалась свежая полоса, и по тому, как осторожно держались гвардейцы, становилось ясно: связали его уже после драки, в которой численное преимущество потребовалось не Радену.

Он посмотрел на отца. Всего один раз, однако пальцы внутри цепи сомкнулись так сильно, что звенья врезались в кожу. Затем его внимание переместилось к раскрытому рту, моим щипцам и серебрянику под языком.

Рану он оставил без внимания.

— Монета уже темнеет, — произнес Раден. — Сколько ответов он дал?

Ильвар шагнул между ним и столом.

— Вас сюда не приглашали. Попрощайтесь с отцом и возвращайтесь под стражу.

Раден посмотрел на серебряную цепь.

— Для прощания мне выбрали странный наряд. К тому же вы привели человека, лишённого лицензии, и позволили ей вскрыть рот короля. Полагаю, правила сегодня соблюдают выборочно.

Его взгляд остановился на пустом футляре у меня на шее. Значит, он знал, кто я, или достаточно хорошо понимал устройство Палаты.

— В моем присутствии король не ответил ни на один вопрос, — сказала я. — Серый ободок появился до того, как я вынула монету.

Фиолетовые глаза поднялись к моему лицу.

— Вы очень точно выбрали границу ответа: в вашем присутствии.

— Я отвечаю только за то, что могу подтвердить. Остальное обычно и стоит людям лицензий.

Ильвар повернул голову ко мне.

— Достаточно, Вель.

— Напротив, — сказал Раден. — Впервые за этот день кто-то отказался выдавать удобное предположение за установленный факт.

— Вы здесь не приказываете, — напомнил ему Ильвар.

Раден обошел его взглядом и снова посмотрел на меня.

— Тогда считайте это просьбой. Продолжайте осмотр.

Я положила ладонь на край стола, не позволяя щипцам дрогнуть.

— Просьба оставляет человеку право отказать.

Серебряные звенья тихо звякнули, когда Раден развел связанные руки.

— Вы держите инструмент у горла короля, пока я стою перед вами в цепях. В этой комнате право выбора явно осталось у вас.

Он сказал это спокойно, однако во взгляде появилось что-то слишком внимательное. Так смотрели вопрошатели, когда слышали первый ответ и уже пытались понять, где покойник спрятал ложь.

— В таком случае отойдите на полшага, — распорядилась я. — Вы закрываете свет.

Бровь Ильвара едва заметно дернулась. Видимо, командовать обвиненным наследником тоже не входило в утвержденный порядок подготовки.

Закрепила. Теперь реплики будут сопровождаться выразительной манерой речи и осмысленными действиями: персонажи смогут протянуть, обронить, отрезать, процедить, пробормотать, мурлыкнуть или отозваться — когда это соответствует сцене. Простые «сказал» и «спросила» останутся только там, где незаметный глагол лучше поддерживает ритм.

Вот как это работает в твоём фрагменте:

Раден отступил без возражений, отмерив ровно столько, сколько я потребовала.

Свет трех ламп вновь лег на серебро. Я вынула монету, опустила ее на белое полотно и провела ногтем по серому ободку. Налет остался на месте.

— Это реакция металла? — Раден наклонился над столом, но связанные руки удержал у пояса, чтобы цепь не задела мои инструменты.

— Пока неизвестно, — отозвалась я, поворачивая серебряник к свету. — Он мог соприкоснуться с вином, лекарством или веществом, оставшимся во рту. Возможно, испорчен сам сплав.

— Ильвар проверяет каждую монету перед обрядом, — напомнил Раден, продолжая следить за темным краем.

— Сегодня Ильвар утверждает, что проверил. — Я вытерла ноготь о край полотна. — Его слово пока выглядит не убедительнее этого ободка.

У Радена сорвался тихий выдох, почти смех. Усмешка растянула рассеченную губу, и свежая кровь снова выступила на коже.

— Теперь понятно, почему он выбрал именно вас, — протянул наследник, стирая красную каплю тыльной стороной ладони.

— Ему понадобились мои руки, — поправила я, подхватывая монету щипцами. — А мое нение ему по-прежнему мешает.

— Значит, у нас уже есть нечто общее, — негромко заметил Раден, удерживая мой взгляд чуть дольше, чем требовал разговор.

Ильвар снял с пояса сложенный платок и протянул его наследнику.

— Вы закончили прощаться? — осведомился он с таким выражением, словно даже кровь Радена нарушала установленный порядок.

Наследник мельком взглянул на платок, но связанных рук не поднял.

— Если вы торопитесь, перестаньте изображать заботу и выводите меня, — ровно обронил он, после чего снова повернулся ко мне. — Продолжайте, Вель. Что бы вам ни сказали после моего ухода, запомните цвет монеты сейчас.

Я накрыла серебряник стеклянной чашей, не позволяя ни Ильвару, ни кому-либо еще прикоснуться к серому ободку.

— Доказательства я запоминаю лучше приказов.

— Я заметил, — отозвался Раден. Угол его окровавленного рта едва заметно дрогнул.

Комплиментом это не прозвучало. Фиолетовый взгляд задержался на моем лице, оценивая, сколько именно я увидела и сумею ли удержать это знание, когда Ильвар велит забыть. Я поймала себя на том, что изучаю Радена с такой же пристальностью, и эта легкость мне не понравилась.

Король еще не произнес ни одного ответа, а серебро уже начинало темнеть. Среди людей, заранее выбравших виновного, только мы с Раденом продолжали смотреть на монету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.